

В обыденной речи часто используют слова, которые нередко искажают смысл явления. К таким словам относятся «писатель», «поэт», «художник», «композитор», «ученый». Например, говорят: писатель Лев Толстой. И в то же время могут сказать: писатель Юрий Лебединский. Поэт Пушкин и поэт Андрей Дементьев^[1]. Из того же ряда. Художник Рафаэль с его мадоннами и художник Марк Ротко с его обоями. Композитор Бетховен и композитор Игорь Николаев. Философ Кант и философ В. Семенов. Ученый Альберт Эйнштейн и ученый В. Рубаков.

Каждый должен почувствовать, что здесь что-то не то. Слишком несопоставимые фигуры, чтобы быть «под одной крышей». Если Дементьев поэт, тогда Пушкин кто-то другой. Если Ротко художник, тогда Рафаэль точно не художник. Точно так же Кант не философ, Бетховен не композитор, Эйнштейн не ученый. Такое несоответствие происходит потому, что мы употребили слова без понятийного содержания. Для обывателей этого вполне достаточно. Если не совсем достаточно, то он удовлетворится такими дополнениями: Лев Толстой - великий писатель, а Лебединский просто писатель советского периода. Используются также прилагательные *гениальный, великий, крупный, средний*. Обыватель доволен. Он понял разницу.

Для науки же и, соответственно, научной, т.е. объективной оценки названных личностей этого недостаточно. Прилагательные не спасают от того, что они все попадают в одну ячейку «писателей» или «поэтов». На самом деле они не писатели и не поэты. Для них требуются другие слова, чтобы отделить их от первого ряда. Типа графоманы, стихоплеты (рифмоплеты), маляры и т.д. Иначе возникает путаница в понимании явлений.

В данной статье я попытаюсь обобщить соображения, высказанные в некоторых своих предыдущих статьях о науке и ученых, именно на примере слова «ученый». Хочу заранее предупредить, что данная заметка не является науковедческой работой в духе Карла Поппера, Томаса Куна или Имре Лакатоса. Такого типа работа потребовала бы от меня определений нижеразбираемых слов на уровне понятий, что предполагает углубленность в тему с науковедческих позиций. Но эта сфера знаний не является моим исследовательским полем, поэтому я ограничусь определениями на уровне терминов. Заинтересованные же в данной проблематике исследователи могут, отталкиваясь от этого, перейти в сферу понятий.

Слова, слова...

Для обывательского мышления слово «ученый» обычно обозначает человека, который осуществляет исследования. В мире в 2007 г., как явствует из последнего доклада ЮНЕСКО за 2010 г., работало 7,2 млн ученых. Но в этот разряд попадают все, кто так или иначе причастен к науке в рамках НИОКР: это и ученые, и инженеры, и технический персонал. Очевидно, что названные три категории не однопорядковые явления. Потому что, если исходить из такой формулировки, в студенческие годы я тоже был «ученым», поскольку на 3-м курсе провел исследование по теме японского рабства, в котором вдрызг «разгромил» академика Н. Конрада. Причем ученик этого академика и мой учитель профессор Д.И. Гольдберг поддержал меня (видимо, почувствовав во мне задатки исследователя). Тогда я очень гордился собой и тоже считал себя ученым^[iii]. На самом деле никаким ученым я не был, а был просто начинающим исследователем. Именно это слово «исследователь» вполне подходит под то определение, которое выше дано слову «ученый».

Между прочим, в докладе ЮНЕСКО на английском языке^[iii] слово «ученый» обозначено как *reseacher* – исследователь. Хотя и это слово не подходит для обозначения армии участников НИОКР.

Русский язык плохо дифференцирует некоторые слова, мало заботясь о нюансах явлений, которые они обозначают. Из-за этого бывает довольно сложно перевести термин с английского языка, в котором посредством различных слов уточняется нюансировка значений. Например, слово «сила». У Ньютона есть словосочетание «*strengths of forces*», «*power to resist force*». В переводе на русский получается «сила сил», «сила, которая сопротивляется силе».

Чтобы читатель понял нюансировки в английском языке, для начала приведу синонимы слова «ученый» в русском и английском языках. В одном из русских словарей синонимов я нашел такой ряд: «научный работник», «деятель науки», «грамотей», «эрудит»^[iv]. Негусто. К этому ряду есть смысл добавить слова «научный сотрудник», «исследователь». В качестве обозначения большого ученого русские применяют и слово «академик»: мол, если уж академик, то, само собой, ученый.

В английском языке *academic* или *academician* называют всех исследователей и преподавателей и даже студентов. А слово *academician* отражает также факт вхождения в какую-нибудь академическую ассоциацию. Это не звание, а просто обозначение людей, причастных к науке.

Слово *scientist* чаще всего означает исследователей в области естественных наук; *scholar* – в сфере общественных наук. *Pundit* – это обозначение ученого, имеющее шутливый оттенок («как бы ученый»), но иногда вполне серьезное. Под словом *savant* имеется в виду «известный, крупный ученый». Слово *boffin* чаще всего

обозначает специалиста по какой-то конкретной проблематике, т.е. эксперта, а иногда изобретателя.

«Ученый» как термин

А теперь выводим слово ученый на терминологический уровень.

Ученый – это человек, который открывает законы природы и общества. Его масштабность зависит от того, на каком уровне познания действуют открытые им законы: *всеобщего, особенного или частного*. К первому уровню относятся ученые-гении, которых за всю историю человечества наберется не так много. Их открытия носят **всеобщий** характер, то есть охватывают как онтологию, так и гносеологию (эпистемологию). На этом уровне находятся Платон, Сократ, Аристотель, Гегель, Кант, Коперник, Лейбниц, Ньютон, Р. Клаузиус, лорд Кельвин, Л. Больцман (последние трое – авторы второго закона термодинамики), Эйнштейн, Маркс и некоторые другие. Обычно это ученые энциклопедических знаний. Это те ученые, которые ускоряли развитие прогресса всего человечества.

Ко второму уровню – **особенное** – относится значительно большая часть ученых, открывавших законы в конкретных науках. Это такие, как Ом, Ампер, Менделеев, Гаусс, Лобачевский, Паскаль, семья Кюри, Шредингер, Гейзенберг и др. К третьему уровню – **частное** – примыкает еще большее количество ученых, открывающих законы или закономерности по частным проблемам внутри конкретных наук. К таковым относятся, например, лауреаты Нобелевской премии последних десяти лет.

Главный признак подлинного ученого – открытие законов или закономерностей. Обычно это происходит в сфере фундаментальных наук, которые концентрируются на поиске общих закономерностей окружающего мира. Их не надо путать с учеными-прикладниками. Последние занимаются внедрением результатов фундаментальных открытий в практику (в конкретные отрасли науки и производства). Как раз именно эта категория составляет подавляющую часть «ученых» в рамках НИОКР. Не уверен, что их можно назвать учеными, хотя их роль нельзя недооценивать. Без них ученые – никто.

Классификация научных работников в России

А теперь взглянем на российскую действительность с точки зрения слов, определяющих «ученых». В немалой степени сказанное ниже относится и к западной науке.

Начнем с низшего ранга – *кандидат наук*. Это первая научная степень, которая утверждается после написания определенной работы по узкой тематике. От претендента на эту степень требуется знание научной литературы по конкретной теме и умение изложить его на страницах 150. Никаких открытий для получения данной степени не требуется. Этот кандидат становится специалистом или экспертом по конкретной проблеме или теме. К примеру, я после своей кандидатской диссертации стал специалистом по японо-китайским отношениям. И в различных ситуационных анализах меня привлекали как эксперта именно по данной узкой тематике. Кстати, уровень российской кандидатской диссертации в англоязычных странах соответствует степень Ph. D (дословно «доктор философских наук»), которую наши кандидаты очень любят обозначать на своих визитках на английском языке.

Далее идет *докторская* диссертация. У доктора тема шире и глубже. Последнее в том смысле, что внутри темы могут быть какие-либо спорные проблемы, которые доктор решает на основе своих исследований. Моя докторская диссертация охватывала всю внешнюю политику Японии, которую в то время я знал досконально. То есть я стал специалистом или экспертом по уже более широкой теме. Хотя все кандидаты и доктора в своих диссертациях пишут, что они внесли что-то новое, на самом деле это «новое» кроме самого диссертанта или узкого круга исследователей никого не волнует. Влияние ни на что оно не оказывает. Это в массе своей. Но бывают и исключения, обычно в естественных науках, в частности в физике. Почти 100% советских естественников, ставших впоследствии академиками, свои открытия сделали именно на уровне докторской диссертации. В общественных же науках в рамках докторской диссертации, повторяю, фундаментальных открытий не было, хотя многие из них (имею в виду советское время) действительно носили научный характер (о признаках науки будет сказано ниже), а некоторые и новаторский. Среди таких я могу припомнить, например, докторскую диссертацию по экономике А.В. Сергиева, который впервые сформулировал термин внешнеполитического потенциала государства, впоследствии выведенный мной на уровень понятия. Мог бы назвать и другие, но сейчас речь не об этом. А о том, что доктор наук в современных условиях – это просто специалист-эксперт по широкой проблеме.

Можно ли работы кандидатов и докторов наук относить к разряду научных (напоминаю, что я говорю об общественных науках)? Конечно, можно. Хотя все они

узкие специалисты, но без их работ невозможно было бы выйти на фундаментальный уровень, поскольку ни у одного ученого просто не хватило бы времени изучать детали той или иной науки. Тем более что «фундаменталист» работает на стыке многих наук. Их работы ценны своими обобщениями, систематизацией написанного, сбором необходимой статистики и многими такими вещами, которые необходимы для последующих прорывов в форме открытия закономерностей и законов.

Еще раз. Они еще не ученые, а научные сотрудники (м.н.с., с.н.с., в.н.с., г.н.с.), специалисты по определенным проблемам. Обычно всю свою жизнь они и пребывают в таком статусе. И крайне редко переходят в разряд ученых.

После докторской дорога ведет в *член-корреспонденты*, а затем в *академики*. Это уже не степени, а звания. Рвутся туда все, поскольку эти звания сулят массу материальных благ. Сразу же колоссальный скачок в окладах, дача, квартира, поездки за границу, приоритетные публикации и масса других льгот. Отличная кормушка. Так было в советские времена, так сохранилось и сейчас. За эти звания идет ожесточенная борьба, перерастающая в целые войны между группами жаждущих. К самой науке эти звания отношения не имеют вообще. Обычно их в первую очередь получают директора крупных институтов и их замы. В отделениях Академии Сибири и на Дальнем Востоке существуют квоты. Они как-то расписываются на местах в соответствии с местными правилами борьбы. Многие москвичи едут в дальние края, чтобы заполучить эти звания, а затем возвращаются на «родину». Ныне механизм получения этих званий и упростился и усложнился. Упростился в том смысле, что в «обойму» стали попадать нужные или денежные люди, а это усложнило попадание обычным подкованным путем. Больше средств стало уходить на подпитку-подкармливание и обхаживание тех, кто голосует.

Короче, современный член-корреспондент или академик – это сверхпрыливный или нужный человек, не имеющий отношения к званию Ученого. Исключения возможны (в основном из старой советской плеяды), но в целом я постеснялся бы носить звание академика или член-кора в современной России.

Вузы. В высших учебных заведениях существуют должности преподавателей, доцентов и профессоров. В советские времена обычно простыми преподавателями были неостепененные, доцентами – кандидаты наук, профессорами – доктора. Но часто все эти должности занимали люди без всяких степеней, в основном за выслугу лет или за подготовку какого-то количества кандидатов наук. Сейчас былые закономерности нарушены. Знаю многих на профессорской должности при степени

кандидата наук. Преподавание с наукой почти не связано или если и связано, то очень редко. Так было в СССР, где наука осуществлялась в научно-исследовательских институтах. На Западе же наука и университеты всегда совмещались. Сейчас в России пытаются сделать то же самое, пока без видимых результатов. Хотя вообще-то преподаватель высшего заведения не обязательно должен заниматься наукой. Ему достаточно знать исследования других в той или иной области, чтобы донести эти знания до студентов.

В целом же надо иметь в виду, что профессора и доценты высших заведений самостоятельно научными исследованиями не занимаются, и посему к ученым их относить нельзя. Бывают, правда, случаи, когда профессор - гениальный ученый, но ужасный преподаватель. В свое время таким был Гегель, у которого после двух-трех лекций оставалось всего лишь несколько студентов.

Журналист и публицист

Во многих научных работах российских исследователей можно встретить ссылки на статьи из журналов или газет, написанных журналистами. Помню довольно частые ссылки на В. Цветова, В. Овчинникова, В. Зорина и т.д. Такого типа ссылки научно некорректны, поскольку журналист не только не ученый, а самый непрофессиональный «авторитет» в любой области, по какой бы он ни писал. Знания журналистов крайне поверхностны: они описывают «увиденное», а не «обдуманное». В принципе это было бы и неплохо для рядового читателя, если бы очень часто «увиденное» они не подавали как «обдуманное». И немало людей, включая многих исследователей, воспринимают всерьез их мудрые статьи, на которые ссылаются в своих книгах даже академики. На самом деле профессия журналиста заключается в том, чтобы заинтересовать читателя даже путем всяческих искажений действительности. К тому же ему надо писать обо всем: сегодня об императоре, завтра о съезде правящей партии, послезавтра о некой внешнеполитической доктрине политика, а еще через день о футболе и сексе. И все по верхам. Такова профессия. Поэтому смешно выглядят ссылки ученых со степенями на статьи, скажем, из «Асахи» или «Нью-Йорк Таймс».

В то же время не следует путать журналиста с публицистом. Публицист – это человек с серьезным научным потенциалом, который через прессу распространяет свои идеи, используя язык журналистики. Публицистов надо четко отделять от журналистов.

Например, в той же «Нью-Йорк Таймс» есть колонка Пола Кругмана, экономиста, лауреата Нобелевской премии, блестящие статьи на экономические темы которого достойны серьезного внимания. В «Интернешнл Геральд Трибун» есть публицист Вильям Пфафф, явно с научными корнями, поскольку его анализ событий однозначно носит научный характер, изложенный блестящим журналистским языком. Между прочим из этого ряда публицистов был и Рихард Зорге, досконально знавший Японию и писавшей фактически научные статьи об этой стране, которые советские ГРУшники не смогли верно оценить. Обращаю внимание на такой журнал, как «Экономист». Хотя для меня этот журнал идеологически чуждый, я не могу не оценить профессионализм авторов (имена этот журнал никогда не указывает), которые на рафинированном английском языке со своей идеологической колокольни анализируют все события в мире. С точки же зрения компоновки материалов и вообще структуры журнала я считаю, что равных ему нет в мире.

Признаки науки, или как отличить ее от ненауки

Непрофессионалам довольно трудно отличить научную работу от ненаучной. Удивительно то, что и многие научные работники, даже со степенями кандидатов и докторов, не всего отличают науку от ненауки, поскольку многие из них не задумываются над тем, что главная цель науки – открытие законов.

Разумеется, если в работе речь идет о законах или закономерностях, то эта работа научная (хотя сформулированный закон может оказаться впоследствии ложным). Читая работу Ньютона «Математические принципы естественной философии» или Канта «Метафизические начала естествознания», сразу видно, что это научные труды. Причем не важно, согласны вы с рассуждениями авторов или нет. Это наука. В них анализируются некие закономерности в природе. Но не все работы так однозначно научные, как упомянутые.

Существует ряд косвенных признаков, по которым можно отличить научную работу от ненаучной. Кое-какие признаки я уже обозначил в статье про Титаренко

Академик Титаренко – «Лысенко» востоковедения (см. в разделе – Восточная Азия).

Напомню их еще раз.

Использование терминологического аппарата из устаревшей «парадигмы». Скажем, если бы нынешнее представление о солнечной системе описывалось языком Птолемеяской теории неба. Или когда современная ситуация на Дальнем Востоке или в зоне Тихого океана описывается через анализ несуществующего «Азиатско-

Тихоокеанского региона» («АТР»). Иными словами, работу, в которой всерьез пишется о том, что происходит в «АТР», можно сразу же отнести к ненаучной. Однозначно можно считать, что в ней ничего нового сказано не будет, а будет обыкновенная трепотня.

Сразу же должны вызывать подозрения работы, в которых делаются постоянные ссылки на высказывания руководителей страны. Это «старая парадигма», зародившаяся еще в советские времена, а ныне ставшая анахронизмом. Другое дело, если это специальная работа, в которой анализируются слова и дела политиков.

Из этой же серии перечисление визитов как показатель активности политики той или иной страны. Обычно такие перечисления характерны для начинающих исследователей. Маститые до таких мелочей не опускаются. Другое дело, что подсчет количества визитов может быть полезен для анализа эффективности политики в контексте «доходы-расходы» на внешнюю политику.

Научный труд строится на понятийном аппарате, а не на словесах или даже терминах. Многие научные работники не понимают разницы между понятиями и словами-терминами. Это означает, что они никогда не изучали диалектику Гегеля, без которой вообще трудно что-то научно проанализировать. Такое непонимание характерно для политологов, международников и страноведов, особенно востоковедов. (Это касается и западных исследователей.) В меньшей степени это относится к экономистам, у которых понятийный аппарат хорошо разработан предшественниками.

В настоящее время любая крупная работа даже в сфере общественных наук должна быть хорошо оснащена статистикой. Без обширной статистики, которая позволяет проследить определенные закономерности, не может быть «фундаментального труда», а может быть только чисто журналистские описания «взаимоотношений».

Непрофессионального исследователя выдают такие фразы, как «с одной стороны», «с другой стороны». У любого явления «сторон» бесконечное множество, а истина одна, хотя и являет себя во многих ипостасях. Познать предмет или явление означает выявить его самую характерную черту, которая качественно отличает данное явление от другого.

В этом же контексте назойливые фразы «в последнее время» что-то стало актуальным или какие-то явления «проходят стадию значительных изменений» достойны начинашек. Для серьезных исследователей писать в «последнее время» о том, что было и 10, и 20, и 30 лет назад, просто непристойно.

Если в работе появляются ссылки на бога, на библию как на авторитет в решении какой-то научной проблемы, можно считать такую работу однозначно ненаучной. Любая мистика даже в виде космизма или всяческих УФО сразу же отбрасывает работу за пределы науки.

Признаком квазинаучности следует считать злоупотребление англоязыком. Конечно, каждая наука имеет свой специфический словарь, который за полтора-два десятилетия в основном забит английскими словами. Это естественно, поскольку поначалу именно Англия, а затем США доминировали и доминируют в науках. И тем не менее во всех общественных науках можно без труда обойтись без англоязычных слов, которыми особенно злоупотребляет пробуржуазная часть российского научного сообщества.

У русских почему-то сложилось мнение, что научные работы надо писать наукообразным языком. Такое впечатление, что они не читали великие работы великих ученых, которые всегда писали живо и нередко «весело». «Наукообразность» – это косвенный показатель лженауки. Самый идеальный вариант – это публицистическая манера изложения серьезных научных изысканий.

Как известно, современная российская наука плохо финансируется. Для многих низкие зарплаты стали поводом для оправдания отсутствия крупных работ и вообще низкой научной отдачи. (Очень многие доживают до пенсии, имея в арсенале какую-нибудь книжечку, сделанную из кандидатской диссертации.) Любой, кто ссылается на финансовую сторону в своей деятельности, не может называться не только ученым, но даже исследователем. Поскольку настоящий ученый вообще не думает о финансовой стороне. Сидящий в нем ген науки будет заставлять его творить даже при отсутствии зарплаты. Можно привести множество примеров, когда наука создавалась учеными, которые зарабатывали на жизнь не наукой, а какими-нибудь другими занятиями. Известный случай с российским математиком Перельманом подтверждает этот тезис. Между прочим самые большие зарплаты в российской науке получают академики и член-коры. Их научная производительность близка к нулю. (Чаще всего они фигурируют в качестве главных редакторов коллективных трудов, которые зачастую они и в глаза не видели.) Так что деньги и научная продукция не находятся в прямо пропорциональной связи.

Одним из признаков научной значимости ученого являются ссылки на его работы, на основе которых определяется индекс цитируемости (ИЦ). В какой-то степени это, может быть, и верно в отношении естественных наук. В сфере же общественных наук этот индекс, наоборот, искажает значимость работы. Поскольку все общественные науки идеологизированы и политизированы, то очень часто ссылаются именно на те работы, которые подвергаются критике. А в соответствии с

ИЦ критикуемый автор окажется наиболее «ученым». Кроме того, обычно по этому признаку берутся в расчет статьи, а не монографии. И в этой связи возникает несколько проблем. Во-первых, на публикацию статьи, даже если она принята, в наиболее популярных научных журналах уходит от года до пяти лет (например, в американских журналах типа «Наука» или «Природа»). Во-вторых, общественные журналы идеологизированы. Они берут статьи только из своей «стаи». В-третьих, у англоязычных журналов весьма высокие требования к языку, что создает чрезвычайные трудности для российских исследователей. В-четвертых, из-за политизации этих журналов они предпочитают публиковать «труды» людей во власти или занимавших в ней высокие посты. Например, в журнале «Foreign Affairs» пару раз публиковались проамериканские статьи А.Козырева в бытность его министром иностранных дел РФ. Можно добавить еще ряд других моментов, которые вынуждают с подозрением относиться к данному признаку «научности».

Шарлатаны и фальсификаторы науки

Надо отметить, что за последние лет 20 в науке появилась масса шарлатанов. В принципе в истории их было всегда немало, но сейчас произошел как бы Большой взрыв шарлатанских работ. Это прежде всего связано с коммерциализацией науки. Дело в том, что издание чисто научных книг не дает денежной отдачи. Если же в научную работу впихнуть какую-нибудь ахиною в виде мистики, то спрос резко увеличивается. В свое время издатель заявил астрофизику С. Хокингу: «Если Вы хотите, чтобы Ваша книга покупалась в книжных киосках аэропортов, то хорошо бы где-нибудь упомянуть про бога». Атеист Хокинг не устоял и «упомянул». Тираж сразу же вырос, принес миллионные прибыли. Но еще дальше пошел математик Франк Дж. Типлер, представивший картину нашего бессмертия. У него есть книга «Физика бессмертия. Новейшая космология, бог и воскресение из мертвых» (1997). Несмотря на ахиною, которую он в ней нагородил, книга стала «бестселлером». В том же ключе о той же космогонии пишут русские космисты.

Надо иметь в виду, что важным признаком ненауки в современном мире является попытка связать научные исследования с богом или с «живым космосом», о чем я уже говорил. И пусть не смущают читателей звания или степени авторов. Там где есть бог, нет науки. Я не имею в виду работы прошлых веков, когда без упоминания бога, которого присобачивали к чему угодно, у тебя просто не было

возможности что-либо опубликовать. Сейчас ситуация изменилась, хотя атеистов продолжают давить даже в таких университетах, как Оксфордский или Кембридж.

Два слова о фальсификаторах. Они обычно занимаются опровержением идей марксизма-ленинизма. У них много способов фальсификаций. Наиболее частый – обычное вранье. Приписывают классикам то, чего они не писали, или если и писали, то в определённом контексте, о котором фальсификаторы «забывают» упомянуть. Другой способ – голословность. Часто встречаются такие фразы: как говорил Маркс, как писал Ленин... Где говорил, где писал? Не указывают. Или: Энгельс ничего нового не написал в «Диалектике природы». Ленин написал чушь в книге «Материализм и эмпириокритицизм». Маркс чего-то недопонял в своем «Капитале». Спрашиваешь: а вы читали эти работы? Нет, не читали, но все так говорят. Это касается и истории СССР.

Обычно эти антисоветчики и антимарксисты не владеют элементарными научными методами. Многие из них искренне не понимают конкретную историческую ситуацию, рассматривают ее с позиции современных морали и ценностей. Другими словами, полное отсутствие историзма и диалектики. Антикоммунистическая идеология застит им глаза. Но есть и сознательные фальсификаторы. За это они получают деньги. Это их идеологическая работа. Понятно, что к науке такого типа исследования отношения не имеют. Именно поэтому я их называю невежественными параноиками.

Плагиаторство

С приходом капитализма в современную российскую науку широко и глубоко внедрился плагиат. Это явление вызвано тем, что теперь многие диссертации или работы пишутся не авторами, а наемными людьми за деньги. Об этом писала и Высшая аттестационная комиссия (ВАК). Не помню точно цифру, но она довольно большая. Чтобы не быть голословным, проиллюстрирую данный тезис на собственном примере.

В Молдавии некая Ирина Малай защитила в 2008 г. диссертацию на соискание степени доктора политических наук по теме «МЕСТО И РОЛЬ НАЦИОНАЛЬНЫХ ГОСУДАРСТВ В ПРОЦЕССАХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ». Научным руководителем был доктор философских наук, член Академии наук Молдовы Александр Рошка, а научным консультантом – доктор политических наук Василий Сакович.

Беру один из ее параграфов под названием «Национальный интерес и безопасность в геостратегии современного государства в условиях глобализации» и не верю своим глазам. (Стр.69–97).

Читайте:

Ирина Малай, диссертация 2008 г., стр. 84-85.	Олег Арин. Двадцать первый век: мир без России. Москва: Альянс, 2001, стр. 285-286.
Таким образом, категории национальных интересов и политики безопасности отражают разные функции внешнеполитического процесса, который делится на две фазы: фазу формирования и формулирования внешней политики и фазу ее реализации в системе международных отношений. Категория интереса относится к первой фазе, безопасности – ко второй.	Эти категории отражают разные функции внешнеполитического процесса, который делится на две фазы: фазу формирования и формулирования внешней политики и фазу ее реализации в системе международных отношений. Категория интереса относится к первой фазе, безопасности – ко второй.
Следовательно, <i>интерес</i> – это категория политики, отражающая осознание (субъективизацию) объективных потребностей государства. Внешнеполитический интерес, т.е. национальные интересы вонне являются выражением общих и частных потребностей государства, вытекающих из его социально-политической природы, а также его места и роли в системе международных отношений.	Итак, <i>интерес</i> – это категория политики, отражающая осознание (субъективизацию) объективных потребностей государства. Внешнеполитический интерес, т.е. национальные интересы вонне являются выражением общих и частных потребностей государства, вытекающих из его социально-политической природы, а также его места и роли в системе международных отношений.
<i>Безопасность (национальная)</i> – категория политики, означающая способы, средства и формы обеспечения национальных интересов государства как внутри страны, так и в системе международных отношений.	<i>Безопасность (национальная)</i> – категория политики, означающая способы, средства и формы обеспечения национальных интересов государства как внутри страны, так и в системе международных отношений.
<i>Безопасность (международная)</i> – категория, отражающая такое состояние международных отношений, при которой обеспечиваются фундаментальные национальные интересы всех субъектов мировой политики.	<i>Безопасность (международная)</i> – категория, отражающая такое состояние международных отношений, при которой обеспечиваются фундаментальные национальные интересы всех субъектов мировой политики.
Национальная безопасность – это политика, международная безопасность – это состояние.	Необходимо обратить внимание на разницу между национальной и международной безопасностью. Национальная безопасность – это политика, международная безопасность – это состояние.
Какое состояние международной безопасности предпочтительнее для той или иной страны, зависит от понимания собственных национальных интересов. Поскольку чаще всего эти интересы существенно отличаются у различных держав, то они и являются внутренними источниками «опасности», т. е. напряженности, конфликтов и войн на мировой арене.	Какое состояние международной безопасности предпочтительнее для той или иной страны, зависит от понимания собственных национальных интересов. Поскольку чаще всего эти интересы существенно отличаются у различных держав, то они и являются внутренними источниками «опасности», т. е. напряженности, конфликтов и войн на мировой арене.

Чуть ли не весь параграф фактически списан из моих книг и статей. Без каких либо ссылок на них.

Сама диссертация явно написана не женщиной, поскольку ни одна из женщин не будет заниматься понятийным аппаратом. (В истории была только одна такая «ненормальная» – Ханна Арендт.) Судя по разностилю, диссертацию писала команда из нескольких человек. Написали они полную дребедень, в том числе и про глобализацию. Но дело не в сути работы. Дело в том, что ни научный руководитель в звании академика, ни научный доктор-консультант абсолютно не разбираются в теме, поскольку, во-первых, не указали ей на ее плагиат (то есть сами они моих работ не читали), во-вторых, не посоветовали ей убрать очевидную бредятину в рассуждениях о глобализации. ВАК же, зная об этом плагиате, не смог заблокировать данную диссертацию из-за очень влиятельных людей, стоявших за этой мадам. В результате появилась еще одна докторша, которая с ученым видом будет говорить, что «как ученый, она считает...».

Этот пример явления, которое, судя по всему, широко распространено во всех странах СНГ, лишает смысла все цифры по количеству «ученых» или даже исследователей, поскольку те не обладают научным качеством. Хотя имеют в избытке качество лгать, лицемерить, обворовывать. Вот такой стала «наука» в раздрызганном пространстве бывшего Советского Союза.

* * *

Здесь высказаны в тезисной форме некоторые суждения о научности научных работ и об учености ученых. Не утверждаю, что сами эти суждения обладают научностью. Высказанное – мои представления на тему науки. Насколько они верны или неверны, покажет практика.

Олег Арин
23.11.2010

[i] Вот с такими стихами рифмоплет Дементьев приобрел статус поэта:

Поэтам не до богатства.
Все силы души и ума
Уходят на то, чтоб сражаться.
Чтоб не было в жизни дерьма,

Дерьмовых поступков и мыслей.
И просто дерьмовых людей.
И чтоб они в князи не вышли,
Иначе нам станет дерьмей.

[ii] «Разгромить» же академика Конрада было легко, поскольку он был жертвой «пятизвенной» парадигмы о формациях (первобытное общество, рабство, феодализм и т.д.), а я не считал нужным ее придерживаться, доказав на фактах, что в Японии рабовладельчества как формации не было.

[iii] Хочу отметить, что этот доклад опубликован на основных западных языках, и даже польском, но не на русском. Показатель отношения к России!

[iv] З.Е. Александрова. Словарь синонимов русского языка. М., 1969, с.573.

